

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Новогодние письма женщине

Здравствуйте, Тамарик. Хочу написать Вам. Понимаю, что Вам сейчас не до писем. Но, ведь, Новый Год. Ещё раз убедился, что в Новый Год обязательно случаются чудеса. Помните, три года назад я рассказывал, как мы встречали Новый год в Норвегии вместе с Дальневосточниками. Поверить невозможно, но спустя три года эта история получила неожиданное продолжение. Но, обо всём по порядку:

Вот она Норвегия. И я, и моя команда, а главное, наша Птичка, все вместе упирались мы основательно. Да, нам ни впервой. Успели. Теперь, два часа по фьорду и мы у терминала. Новый год будем встречать у причала, как нормальные люди. В этой дыре я бывал много раз. Ничего там особенного нет. Но всё равно лучше, чем в океане на переходе. Приняли норвежского лоцмана и пошли по фьорду. Лоцман говорит, что свободного причала нет. Будем швартоваться вторым корпусом к русскому танкеру, стоящему там. Вторым, так вторым. Какая разница. Не первый год замужем.

Работа напряжённая, но два часа по фьорду остались за кормой. Вот и терминал с танкером, стоящим у причала. Я прикинул: танкер по размерам такой же, как наш, погода тихая, акватории достаточно. В общем швартовка будет не сложная. Буксиры подлетели. Развернул я Птичку лагом, то есть параллельно стоящему танкеру, стоящему у причала, и начали сближение. И тут «ТИФОН!». Тифон это судовой гудок. Гудок-то гудок, да только силы звука такой, что в море за несколько миль слышно. А тут где-то совсем рядом. Прошибает насквозь. — Уот ит? Уот хеппен? (Что это? Что случилось?), — Подлетает ко мне лоцман. — Ай доунт ноу (Я не знаю), — пожимаю я плечами. Беру бинокль и... А-а-ахренеть, не встать!!! Мой танкер «Балтийская Чайка» порт приписки Санкт-Петербург швартуется к танкеру «Звезда Востока» порт приписки Владивосток. Вот это да! Как говорится, и прошло-то всего три года. Что тут началось! Они все высыпали на палубу. Кричат. Руками машут. Мои швартовые побросали, все у борта столпились. Лоцман в полном недоумении. А два огромных судна-то сближаются. Тут только один способ людей в себя привести. Схватил я микрофон судовой трансляции, сразу её на полную громкость и давай оба экипажа рельсовым матом со всех сторон обкладывать. Подействовало. Вздروгнули. Опять за швартовые взялись. Лёгости через борт полетели. Их на том танкере ловить стали. Швартовые поползли. Смешно. Потом, уже после швартовки, боцман ко мне в каюту с блокнотом заявился:

— Саныч! Ну, повтори. Для потомков. Такое богатство пропасть не должно. — Да, не смогу я, — Меня смех душит: — Это же спонтанно. А он серьёзно так, с интересом: — Ну, ладно русский и английский, а норвежский откуда знаешь? — А я его и не знаю. Просто ещё пацаном в этих самых краях слышал, как один местный шкипер заливался, — В общем, вытолкал я его из каюты.

Ладно. Продолжаю. Ошвартовались. Тут уж я толпу больше сдержать не смог. Мои трап ставят. Они свой к нам перекидывают. И хлынул поток людей навстречу друг другу. Вышел я на палубу. Слышу. — Саны-ы-ыч!!! — Летит Вера Ивановна. С разбегу за шею руками обняла и повисла на мне. Прижалась и визжит, как поросёнок. Тут друг мой, капитан дальневосточный подбегает. Нам обняться надо, а Вера Ивановна ещё сильнее ко мне прижимается и визжит. Вот такая бурная встреча получилась. И только через час в капитанской каюте танкера «Звезда Востока» мы с моим другом нормально поговорить смогли. — Знаю, ты коньячок

уважаешь. Курить-то ещё не бросил? — Ставит он на стол бутылку коньяку и кладёт коробку настоящих кубинских сигар. Я взял одну, перед носом провёл, а-а-аромат!!! Глаза закатились от удовольствия. Вижу, а ему приятно. Коньячку накатили по калявочке и разговорились. Тамарик, Вы же знаете, лезть я не люблю. А моего друга, как понесло! Не знаю, откуда, но он уже в курсе, что меня в союз писателей приняли. И давай заливать. Мол, тебя весь Дальний Восток знает. Говорят, что ты второй Конецкий. Мол, куда не приду, начинают про тебя расспрашивать, а я всем говорю, что мы друзья. — Конечно, друзья, — Перебил я его: — Только вот, что, друг. Недавно в Мичигане попалась мне газетка штатовская про то, как русский танкер спас Аляску. Может, поведаешь детали?

Вот тут мой друг стал серьёзным и начал рассказывать: — Морозы ударили очень рано. Там топливом запастись не успели. Ещё немного и целые города замерзнуть бы стали. Американцы помощи попросили. В тот момент я был ближе всех, меня и послали. Льды тяжёлые. А американцы ведь ледоколы строят только для нужд военного флота. Гражданских ледоколов у них нет. А военные суда значительно уже торговых. Про супер танкер и говорить не приходится. Представляешь, как это идти по пробитому ледовому каналу в два раза уже корпуса твоего судна?

Уж мне-то подобное объяснять не надо. Весь кошмар ситуации сразу перед глазами нарисовался. Раскурил я сигару и стал слушать дальше. А мой друг продолжал. Рассказывал, как им было трудно, как вязли во льдах, какое интенсивное обледенение было, как дружно боролись за судно. Долго говорил, какая у него геройская команда. Много говорил об этом капитан. Только, как-то упустил, что команду формирует и воспитывает капитан. И что нужно для того, чтобы команда стала геройской.

Тамарик! Я сидел, слушал и любовался им. Он на 15 лет моложе меня. Мозги уже заработали на полный ход. И сил ещё море. Долго мы ещё беседовали. Ну и, естественно, убывающий в бутылке коньячок в конце концов сделал нас позитивными и привёл разговор к женскому вопросу. — Слушай! — Встрепенулся он: — Как это у тебя с бабами получается? Даже наша Вера. Её в экипаже любят, но она очень строгая. А сегодня, что учудила. Не успела тебя увидеть, совсем с тормозов сорвалась. Может ты секрет какой знаешь? — Знаю, — Рассмеялся я. — Да, ну! Поделись? — Он аж подпрыгнул на стуле. — Ладно. Слушай, — Я попытался сделать серьёзное лицо: — Возьми себе за правило, когда знакомишься с женщиной, первым делом смотри ей в глаза, а не на сиськи. Он соображал минуты полторы. Потом его глаза начали принимать осмысленное выражение: — Знаешь, а я, кажется, понял.

Ну а детали предстоящего праздничного банкета мы согласовали быстро. Как в прошлый раз, споров не было. Празднуем на его танкере, так как в прошлый раз праздновали на моём. Как литературной знаменитости, право Новогоднего тоста безоговорочно отдаётся мне. Ну, вот пока всё. Готовимся к банкету. Тамарик! Знаете, что я Вам скажу. С этой литературой, с этим дурацким союзом, я, кажется, ненормальным становлюсь. Вот смотрите. Пишу письмо женщине. А получается какой-то бессвязный, совершенно непубликуемый рассказ. Вот такие у меня дела. Ещё раз с наступающим Вас.

... Сереженька, очень Вы меня порадовали своим письмом! Мне как всегда каждая буква интересна, и про тот Новый год я помню все. Замечательно получилось, а еще мне очень гордо за Вас, что знают про Вас как про писателя, так приятно, не передать! И неправда, мне как раз до писем, они важны для меня. У нас мороз, снег идет, я про Вас думала. Успеете ли? Хорошо, что успели! Пусть Новый год будет у Вас замечательный! Под куранты обязательно

про Вас подумаю. Счастья Вам много-много! Спасибо за письмо!

...

Здравствуйте, Тамарик! Ещё раз с Новым Годом! Теперь уже с наступившим. Праздник ещё в самом разгаре. Но, что-то устал я. Или попросту пьяный. В клавиши с трудом попадаю. Но рассказать попробую. В принципе, как всегда. Был мой капитанский тост под бой курантов. Был салют. Всё было. Не было только Северного сияния, как три года назад. Была живая музыка. А! Нет! Вот этого в прошлый раз не было. Когда, три года назад, я написал про живую музыку, то не уточнил. А это гармошка моего друга. Вот такое у мужика хобби. И играет он изумительно. От его переборов сердце тает. Вот только есть у меня одна черта. Очень уж я люблю людей удивлять. Я ещё в детстве научился на гармошке играть. На обыкновенной русской хромке, то есть хроматической гармошке. Но в прошлый раз даже не притронулся к ней, чтобы не опозориться, так хорошо владеет ей мой друг. А в этот раз, что-то меня понесло. Взял в руки все удивлённо затихли. Мои-то тоже не знают.

Тамарик! Я как-то рассказывал, что мой дед по маме на Колыме сидел. Вот оттуда и привёз он песню. Деда я своего ни одного, ни второго не знал. Родиться ещё не успел. А песню эту от своего дяди слышал. Мелодия потрясающая. Прошибает насквозь. Это что-то вроде «На сопках «Манжурии» или «Амурских волн». Песня-то их Дальневосточная. И слова бьют на повал. Мелодию не могу передать, а вот стихи, пожалуй, Вам напишу:

Я помню тот Ванинский порт И крик парохода угрюмый
Как шли мы по трапу на борт В
холодные мрачные трюмы

От качки страдали ЗК Ревела пучина морская
Лежал впереди Магадан Столица Колымского
края

Пятьсот километров тайга Где нет ни жилья, ни селенья
Машины не ходят сюда Бредут,
спотыкаясь, олени

Прощайте и мать, и жена И вы малолетние дети
Знать полную чашу до дна Пришлось мне
выпить на свете

Я знаю, меня ты не ждёшь И писем моих не читаешь
Встречать ты меня не придёшь Ну, а
если придёшь, не узнаешь

Будь проклята ты Колыма Что названа чёрной планетой
Сойдёшь поневоле с ума Отсюда
возврата уж нету

Ну и вот, что смог написать. У этой песни много куплетов. Я иногда совершенно неожиданно вспоминаю. Иногда некоторые забываю. Неважно. Тамарик! Надо было видеть, как меня слушали. Особенно Дальневосточники. У Веры Ивановны слёзы по щекам. Песня-то их. Родная. Прошибла не на шутку. Я когда закончил, стою и думаю: «Что же я наделал? Во! Праздник людям отчудил. «Надо же было, как-то обстановку разряжать. Ну и запел самую свою любимую на свете песню. А играю её и пою, не хвастаясь скажу, очень хорошо. Просто, нравится она мне. Долго репетировал. А песня эта КРАСНАЯ СМОРОДИНА — Олега Алябина. Господи! Да она же, наверное, в Интернете есть. Если раньше не слышали её, найдёте. Мне так эта песня душу наизнанку выворачивает. В ней вся моя жизнь. Ну, тут уже напряжение спало. В конце концов, отдал я гармошку своему другу. А тот сразу танцы объявил. Меня тут же Вера Ивановна на белый танец и пригласила. Разумеется под живую музыку.

Потому что мой друг может играть абсолютно всё. Он и спрашивает: «Что играть?». Тамарик! Помните, Вы, как-то меня спрашивали, умею ли я танцевать Танго. Я тогда ответил, что умею. И сейчас отвечу так же. Я умею танцевать Танго. Может быть не совсем профессионально, но,

во всяком случае, партнёру не подведу. А, вот теперь я Вас хочу спросить. Тамарик! А, Вы умеете танцевать Кадриль? Обыкновенную русскую Кадриль. Отбросил я в сторону свой мундир вместе со всей солидностью и говорю другу «Кадриль!» А, Вера Ивановна, как топнет ногой: «Легко!». Да!!! Я в Эдинбурге расхваливал английских актрис из Кан-кана за то, что они умеют творить на своих каблучищах. Да все они и рядом не стояли, что вытворяла на своих каблучищах Вера Ивановна. Знаете, как нам хлопали? Люмики с брашков соскакивали! Вот! Банкет ещё в самом разгаре. А я потихонечку ушёл на свой танкер. Сижу в каюте. Курю кубинские сигары, которые мне друг подарил. Чай, не мальчик, уже так хорохориться. Трудным для меня был 2014 год. До самой смерти не забуду, как ходил за мной по палубе боцман в Аргентинском рейсе. Вот и наступил 2015 год. Что будет? Для меня этот год будет очень судьбоносным. Много изменится. В этом году заканчиваются капитанские документы. Предстоит мне долгая учёба и полная переаттестация. Смогу ли? А, главное, захочу ли? Праздник, а мысли грустные. Да и вздремнуть надо. В море выходить не завтра, а уже сегодня.

...

С наступившим, Сережа! Кончился этот год, год страшных потерь, но и год удивительных встреч. Мы совершенно разные люди Сережа, но есть какие-то непостижимые совпадения, меня это ошарашивает. В горе бывают пустые слова утешений, а бывают слова-картины, которые душу уводят от печали, вот с Вами я и путешествую, мне кажется, что даже голос Ваш слышу. Про Ванинский порт и мелодию знаю, и частично слова, но совершенно по-другому прочла незнакомые куплеты, спасибо. Про КРАСНУЮ СМОРОДИНУ не знаю, поищу. Могу ли я кадиль? Знаете Сережа, я — не хвальбушка, но могу, вернее могла многое, потому как тело мое очень созвучно партнеру, если доверяю, то проблем нет, плюс «зажигалка», я своим темпераментом однажды на банкете известного академика в цыганочку втравила, на видео засняли, мне долго восторги высказывали. А Вы-разнообразно талантливый молодец, правда, не льщу, от души на Вас радуюсь! И очень Вы хорошо про праздник написали, что, впрочем, как всегда.

Какой будет этот год? Думаю трудный, но и в горе, и в радости есть люди, с которыми душа отогревается, мне жизнь это так показала, у меня ощущение, что я воевала, так было трудно, и не победила я, хотя делала невозможное, но как помогали друзья и близкие! У меня столько нежности в душе к хорошим людям. Вы написали о переменах и там фраза: захочу ли я. Я поняла со всей ясностью: жить надо не по велению, а по своему хотению, сказки не врут. У меня все спят, съехались дети, очень меня берегут и боятся за меня, но я выкарабкиваюсь потихоньку, Вы меня многому учите Сережа, сами того не подозревая, и очень Вы утешительны для меня, за интегралы спасибо, Я очень хочу Вам счастья, не знаю какого, но чтобы жить Вам было интересно, и чтобы, не смейтесь только, Вас не обижали люди и жизнь. Пусть все проблемы станут прошлогодними, и здоровья, здоровья, здоровья!

...

Вот и закончилась Новогодняя сказка. Пора и по домам. Простились мы с моим дальневосточным другом, и каждый на свой танкер. Мой борт внешний, мне и отходить первому. Швартовые отдали. Всё. Поехали! Начал я циркуляцию, то есть разворот, тут и дальневосточный танкер отвалил от причала. По связи команды сыпятся. Доклады проходят. Лоцман чётко ситуацию контролирует, рекомендации толковые даёт. Идёт работа. Обыкновенная рутина. Я уже хотел ход дать и гут бай Норвегия, но тут что-то под сердце

толкнуло. Взял рукоятки и на «СТОП» перевёл. Танкер замедляться начал. А дальневосточники уже тоже от причала отошли и развернулись у нас за кормой. Я до конца и сам-то ещё не понял, чего хочу, а друг мой понял всё и сразу. Тут же вышел на связь по радиостанции: — Саныч! Начинаем. Обе полный вперёд.

И оба танкера стартовали одновременно, пошли, набирая ход. Тут уж манёвр всем понятен стал. Лоцман подходит ко мне: — Господин капитан, то, что вы задумали, может быть очень небезопасным. А, что мне ответить: — Господин лоцман, прошу не волноваться. Всю ответственность я официально беру на себя. А чего её брать, ответственность-то. Она и так целиком лежит на мне. А танкера уже разогнались. Полным ходом идут. Тамарик! Вот, что я Вам скажу. Когда супер танкер идёт по фьорду, зрелище потрясающе завораживающее. От его утробного урчания скалы береговые дрожат. Силища немеряная. А тут сразу два супера идут в кильватер. В кильватер это, когда форштевень одного, то есть нос, прямо в транец другого, то есть в корму. Тут опять мой друг на связь выходит:

— Саныч! Рукоятки до упора и забыл! Моя Звёздочка мощнее твоей Птички. Я сам дистанцию контролировать буду. И смотрю штевень Звёздочки уже над транцем Птички нависает. А ход-то полный. Даже у меня коленка дрогнула. Коленка дрогнула, но глаз-то профи. Ох и силен капитан дальневосточный! Манёвры, как по шаблону. И рулевой у него надёга. Звёздочка, как влитая на курсе лежит. Я руки с рычагов не снимаю. Рукоятки подушечками пальцев чувствую. Поворачиваюсь к боцману. Я его ещё на отходе к центральному манипулятору поставил. А тот ржёт. Меня аж взорвало: — Смотри у меня! С курса хоть на нитку, враз на двадцать сантиметров короче сделаю! — Саныч! Я же понимаю. На нас вся Европа смотрит, — И ржёт.

И то... Глянул кругом, такой эмоциональный подъём, что воздух плавится. Команды исполняются бегом. Все службы отрабатывают на раз. У всех глаза горят. Даже Дима, повар наш, поднялся на мостик лоцмана кормить, а сам в белоснежной поварской куртке, и пуговицы в два ряда золотом сверкают. И глаза горят! Орги с береговых склонов нам руками машу. Ещё бы! Такого и не видели никогда. Только безбашенные русские подобное придумать могут. Идут в кильватер два русских супер танкера по фьорду. Яркий свет прожекторов. Мощь колоссальная. Два российских флага на гафеле. Идут нос в корму. Дистанция не больше сотни метров. А в этих ста метрах вся Россия с нами от Петербурга до Владивостока. Даже солнышко не утерпело. Несмотря на полярную ночь, выглянуло на мгновение из-за горизонта посмотреть на нас. Два часа хода по фьорду. Два часа тяжёлой морской работы. Два часа напряжения. Два часа гордости за державу!

Тамарик! Я никогда не был романтиком. Всегда к своей работе относился, как тяжёлому труду. Но, удивительное это чувство, когда стоишь на крыле капитанского мостика, палуба под ногами дрожит и втягиваешь ноздрями морозный воздух, замешанный на солёных брызгах. Вот бы написать про это. Хороший рассказ мог бы получиться. Только нельзя. Если береговые начальники узнают о нашем таком судоводительском хулиганстве, нас с моим коллегой просто изнасилуют. Вышли из фьорда в открытое море два русских супер танкера. Погудели друг другу. «Балтийская Чайка» налево, Скандинавия слева, на Санкт-Петербург. «Звезда Востока» направо, Скандинавия справа, на Мурманск. Свидимся ли ещё когда-нибудь? В море пути редко пересекаются.

В Мурманске дальневосточники отстоятся, дождутся первого каравана и по Северному морскому пути. Достанется мужикам. Ничего! Ребята крепкие. И капитан у них надёжный.

Пробьются к Беринговому проливу. А, там делов-то. Пару месяцев Тихий океан пополоскать с его морями и вот он, родной Владик. Переживаю за них. Удачи желаю. И завидую. Я за свою жизнь два раза этим маршрутом прошёл. Пошёл бы и в третий раз. Да, видно, уходят мои годы. Кто же меня пустит по Сев мор пути? Тут и лоцманский катер показался. Надо с норвежским лоцманом попрощаться. Подходит он ко мне. Я уже приготовился услышать дежурные фразы и ответить также. А он протягивает руку и говорит: — Господин капитан! Благодарю за доставленное профессиональное удовольствие. Я даже не нашёлся, что ответить. Слаб я стал на эмоции что-то в последнее время. Старею, наверное.

... Сережа, не могла сразу ответить, несколько раз перечитывала. Это так сильно написано, меня дрожь пробирает, эмоционально, на очень высокой ноте. Вы говорите, что мог бы хороший рассказ получится, так он и получился, только не хороший, а очень сильный, пробивающий душу! Мне очень жаль, что нельзя напечатать, я просто вижу все, музыку слышу в словах. Вы — большой и человек, и писатель, и художник! Потом еще почитаю, и еще напишу, а сейчас легкого рейса и спокойной вахты!!!

...

Тамарик. А может просто взять и опубликовать нашу Новогоднюю переписку. И будь, что будет. Но для этого мне Ваше согласие нужно.

...

Сережа, я на все согласная, дело не во мне. Я за Вас тревожусь. Может слегка изменить декорации: имена кораблей, порт приписки и переместить во времени, например ненароком отметить конец прошлого века. Впрочем учить ученого, только портить. Вы же умный и осторожный, когда надо. Может я очень восторженная, но после Вашего рассказа у меня такая гордость, что мы с Вами одной крови! Вот есть такие мужчины в наших серых буднях, безбашенные, не для выгоды, а для души, порывистые. Ну, в общем такие, каких не бывает! Решаете Вы, не хочу Вас провоцировать, но и занудствовать не хочу.